

РАЗДЕЛ III

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 008(571.1/5) «19»

Е. И. Балакина

*Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ XX в.

В статье рассматриваются особенности становления культуры Сибири в советский период как единого суперрегиона и особого культурно-исторического типа. На основе типологического подхода прослеживается динамика развития Сибири в XX в.: от аграрного типа культуры – через индустриальное общество – к информационному. Выделены основные противоречия культуры Сибири, определяющие специфику её исторической судьбы.

Ключевые слова: суперрегион, модернизация, социализм, культурная революция, эклектизм.

E. I. Balakina

*Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Design,
Altai State University (Barnaul, Russia)*

THE FORMATION OF THE SOVIET TYPE OF SIBERIAN CULTURE IN THE HISTORICAL FATES OF THE XX CENTURY

The article are considered the features of becoming of the culture of Siberia in the Soviet period as a single super-region and a special cultural and historical type. On the basis of the typological approach, the dynamics of the development of Siberia in the twentieth century is traced: from the agrarian type of culture – through the industrial society – to the informational one. The main contradictions of the culture of Siberia, which determine the specifics of its historical fate, are highlighted.

Keywords: superregion, modernization, socialism, cultural revolution, eclecticism.

Сибирь – огромный суперрегион, органически единый с Россией и в то же время обладающий яркой спецификой. Даже географически она была открыта и освоена гораздо позднее, чем центральные районы страны. В начале XX в. Сибирь была аграрной окраиной, на 90% крестьянской страной, в которой темпы сельскохозяйственного развития опережали промышленное освоение. Все процессы и события приходили в Сибирь позже, а ее культура традиционно строилась как «отзвук» культуры России.

Сибирь как культурный феномен вмещает в себе многоуровневое единство глубочайших противоречий и парадоксов. Об этом на вечере сибиряков в 1927 г. эмоционально и аргументированно говорил Л. Троцкий, речь которого долгие годы была неизвестна россиянам: «Сибирь есть величайшее зеркало наших общерусских противоречий. У нас – пространства, а в Сибири много больше. У нас бездорожье, а в Сибири и того хуже. У нас неисчислимые естественные богатства – растительные, животные, почвенные; Сибирь богаче того. У нас недостаток техники, Сибирь еще беднее ею. И, как выражение всех этих противоречий на сегодняшний день, ножницы промышленных и сельскохозяйственных цен в Сибири еще острее, чем у нас, ибо Сибири приходится свои сельскохозяйственные продукты вывозить далеко, а промышленные продукты ввозить издалека» [1, с. 4].

В современных исследованиях постепенно утверждается понимание, что «сибирский регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция с трудно определяемыми и динамичными границами» [2, с. 13]. Это целостная система, в которой все факторы, взаимодействуя, рожают неповторимую природно-культурную среду, специфически переплавляющую в своем котле вызовы времени и лики культуры. Подтверждение тому встречается в исследованиях последних лет, где понятие «Сибирь» приобрело характер целостного культурно-исторического феномена, лингвокультурного концепта, ставшего в наши дни неотъемлемой частью национального сознания в целом.

В диссертации А. М. Литовкиной «Концепт „Сибирь“ и его эволюция в русской языковой картине мира: от „Сибирских летописей“ до публицистики В. Г. Распутина» «Сибирь» рассматривается как совокупность смыслов, характеризующих ее сущностное и исторически изменчивое национально-культурное ядро, как живой семантический комплекс [3, с. 13].

Даже вопрос о пространстве Сибири в культуре и географии России не так прост, как может показаться. Административное деление страны в разные исторические периоды зачастую не совпадало с географическими границами регионов. Так, например, Томская губерния в конце XIX – начале XX в. занимала обширную территорию (около 765 км²). Она охватывала современные Томскую, Кемеровскую, Новосибирскую, а также Восточно-Казахстанскую и Семипалатинскую области Казахстана, Алтайский край и часть Красноярского края. В тот момент здесь проживало до пяти миллионов человек из десяти миллионов сибиряков.

Становление Сибири как единой территории началось в XVI в. с движения русских на восток от границ Московского царства и достигло своего предела к середине XIX в., когда завершился процесс вхождения в состав Российской империи Степного края, Приамурья и Приморья. А в 1918 г. во Владивостоке известный востоковед, профессор Н. В. Кюнер в лекциях по истории и географии Сибири предлагал так условиться о значении термина «Сибирь»: «Это имя ныне прилагается к стране, обладающей громадным и не установленным в точности и различно понимаемым пространством: в зависимости от того, с какой точки зрения мы будем рассматривать территориальный объем страны, о Сибири можно мыслить различно» [4, с. 16]. Он отмечал вечное несовпадение исторического смысла «Сибири» с ее географическим пространством, настаивая на широком понимании термина, включая в Сибирь Дальний Восток и Степной край.

Алтайским писателем Г. Гребенщиковым, вынужденным покинуть горячо любимую им Родину после революции 1917 г., понятие «Сибирь» употребляется широко и свободно, вне географических условий и ограничений, как культурно-историческая метафора: «Таким образом, от Урала до Владивостока вся Сибирь – та же Россия, страна из ста племен» [5, с. 23]. В пределы «Сибирской Ойкумены» у него попал и Усть-Каменогорск, и Нерчинский округ, и побережье Берингова пролива, и Камчатка. Его задачей было сохранить в душе и пронести через годы изгнания образ Родины, осмыслить, оценить его в собственной душе, понять и поднять значимость Сибири в культуре России и мира.

Сибирь для него – символ вольницы, неуправляемой стихии, исторический ураган племен и народов, в вечном движении которых от Урала до восточного побережья Евразии зреет, растет и черпает силы волна новой культуры России. Волна, способная напитать иссякающие, но не теряющие своего величия русские национальные традиции, с которой писатель связывал неизбывную веру в миссионерский характер российской исторической судьбы.

Одновременно набирал силу обратный процесс регионального дробления «большой» Сибири, когда она стала постепенно сокращаться и даже исчезать с административной карты России. Сегодня в состав Сибирского региона входит множество субъектов, характер и уровень развития которых отличается огромным разнообразием: Омская, Иркутская, Кемеровская, Томская, Новосибирская, Читинская области, Красноярский и Алтайский края, Якутия, Бурятия, Республика Алтай, Хакасия, Тува, Эвенкийский и Таймырский автономные округа. В таком составе Сибирь утвердилась именно в XX столетии, придавшем её развитию особый смысл.

Окаймленный двумя мощными переходными эпохами, XX в. стал грандиозным рывком, «великим подъёмом» – по метафорическому выражению И. Ильина: «Это был великий подъем глубин, жажда света, стремление к небу, извержение творческой воли... Восстала мечта о новых, совершеннейших формах, о новом богатстве бытия, о приближении земли к небу...» [6, с. 140]. В образе грандиозной горной гряды, где внезапно сменяются подъемы и спады, плавные склоны переходят в крутые обрывы, максимально полно выражена суть культуры Сибири XX в. В ней были подъемы по ступеням просвещения, порывы к новой культуре в отдаленных «глубинах» сурового сибирского края, и неожиданные срывы и откаты в социальном, экономическом и культурном развитии, и – то естественное, то искусственно направляемое движение к «свету», к «небу», но всегда как «извержение творческой воли»!

Культурно-исторические процессы в Сибири в XX в. стали реализацией «восставшей мечты» о новой стране, пролетарской культуре, о «новом человеке – строителе коммунизма», и об утопическом в идеальной недостижимости коммунистическом устройстве жизни. Мечта зрела и укреплялась, требовала воплощения. «Это было буйное восстание, страшное и хаотическое. Но оно шло из последней глубины; оно было искренне, и искры его летели к небу: оно было пламенное, и пламя его молилось Творцу; и от этого огня плавилась утесы, и первобытные камни текли потоком» [6, с. 140].

Мощные социальные катаклизмы XX в. две мировые войны и две революции – обусловили линию развития всей страны и Сибири на целое столетие. Бурное политическое переустройство, развитие городов, техники, освоение ресурсов, идей и ценностей в Сибири имеют свою специфику.

Установление советской власти на территории Сибири (с октября 1917 г. до февраля 1918 г.) и Гражданская война стали одной из самых масштабных трагедий России. Произошло изменение этнической и демографической карты региона, экологии и экономики, всего привычного уклада жизни, системы ценностей и духовных оснований культуры населявших ее народов, традиционное сознание которых новую идеологию понимало с трудом.

В 1920-х гг. Сибирь пережила режим «военного коммунизма». «Новый тип человека “выковывался” в горниле боевых действий на фронте, тяжелом труде в тылу, постоянной борьбе с различными врагами нового строя. Система воспитания представляла собой как бы гигантскую “печь революции”, в которой “закалялась сталь”» [7, с. 30]. В 1921 г. в Сибири развернулась новая экономическая политика (нэп). Главными действующими лицами советской Сибири и ее пролетарской культуры были рабочий класс и крестьянство.

Важнейшей особенностью культуры начала XX в. называют устремленность к новизне, отрицание прошлого [8]. В Сибири в этот период определяющей идеей тоже становится радикальный разрыв с прошлым. Начало нового витка эволюции культуры отмечено стальной линией Транссибирской магистрали, отделившей прошлую эпоху от эры грандиозных перемен.

Предельная пестрота культуры XX в. проявилась в Сибири не в многообразии философских и художественных направлений, а в этносоциальном эклектизме населения и предельном разнообразии традиций. Проблему не сглаживало и преобладание русского населения. Различие культур коренных народностей и русских крестьян было весьма значительным.

Отмечается, что, например, у народностей Севера до революции 1917 г. сохранялись первобытно-общинные отношения. Уровень культуры был разным даже в пределах кочевой и оседлой части одной народности.

Управление делами национальных уездов в советский период совершалось в основном представителями коренного этноса. «В Горно-Шорском районе шорцы составляли 50% президиума райисполкома, массовая работа с населением велась на шорском, а делопроизводство – на русском языках. В других районах Запсибкрая, где насчитывалось 86 чисто национальных (не смешанных) сельсоветов (в их числе 8 эстонских, 21 казахский, 20 татарских, 15 немецких, 12 чувашских и др.), делопроизводство велось на русском языке, а массово-политическая и культурно-просветительная работа – на родном языке национальных меньшинств» [9, с. 72].

Культурная революция в национальных районах Сибири проводилась как часть единого процесса в стране, на основе общих идей. В Сибири приходилось решать дополнительные задачи: формирование национальной трудовой интеллигенции, создание национальных культурных центров. В исследованиях по культурному строительству отмечается ведущая роль русской культуры в развитии национальных меньшинств СССР и её гуманитарная помощь в становлении пролетарской культуры многочисленных народностей страны.

Трагической вершиной в становлении советской культуры в Сибири стала Великая Отечественная война, суровый опыт которой произвёл перестройку ее культуры в соответствии с идеалами социализма, сплотил население страны и Сибири в единую общность «советский народ». По Сибири число призванных в Красную Армию составляло 20–25%. На ее территории не было военных действий, но она включилась в войну человеческими и трудовыми резервами. Среди героев Советского Союза тысячи сибиряков, в числе которых русские, буряты, якуты, хакасы, алтайцы, нанайцы, эвенки и др.

Основным вектором развития Сибири в советские годы В. П. Зинovieв называет движение от аграрного общества к индустриальному: «Именно этот процесс являлся главным движущим механизмом жизни страны, а прочие экономические, социальные и политические процессы были производными от основного сущностного течения истории. Становление индустриального общества в каждом регионе России имело свои особенности, хотя в основном определялось общероссийскими факторами» [10, с. 1920]. Он выделяет три стадии эволюции, которые на этом пути должны пройти общества: аграрную, индустриальную и постиндустриальную, или информационную.

Переход от аграрной стадии к индустриальной получил название модернизации, означающей развитие технологий жизнеобеспечения, зависимость общества от техногенной среды и природных условий. Грамотное развитие техники и технологий – это движущая сила эволюционной динамики общества.

Особую противоречивость приобрёл в Сибири процесс индустриализации. Проживание коренных народностей в условиях тайги, Крайнего Севера и других экстремальных природных ареалов привело их к выработке уникальных традиций быта и землепользования, представляющих конфликтную для индустриализации модель культуры. Не завершив ступени аграрного развития, сибирские народы вместе со всей Россией начали переход в индустриальное состояние. Этот факт частично проясняет неравномерность и нестабильность развития Сибири и сегодня, после завершения социалистического пути развития.

На рубеже XX–XXI вв. начала восстанавливаться активность малочисленных народов Сибири и этнических групп, поставленных перед проблемой выживания и сохранения культурных позиций. В 1990-х гг. созданы Ассоциация малых народов и Международная лига малочисленных народов и этнических групп, направленные на сохранение культуры, традиций, образа жизни малочисленных народов Сибири. Путь к сибирской идентичности лежит через самопознание этносов и народов, осознание своей уникальности и культурно-исторической специфики. Эти изменения позволяют надеяться, что именно в состоянии духовной трансформации России Сибирь сможет и должна максимально реализовать свои явные и скрытые возможности.

«При этом на сегодняшний день пока не создано системных культурологических трудов, осмысливающих феномен культуры Сибири в его целостности и саморазвитии. В коллективной монографии 2003 г. профессор А. П. Казаркин справедливо вопрошает: “Можно ли найти думающих о самобытности Сибири где-то за ее пределами?”» [11, с. 485].

В 1908 г. в Бийске было открыто отделение «Общества изучения Сибири и улучшения её быта». «Общество» было создано Сибирской парламентской группой в III Государственной думе для организации обратной связи в разработке законопроектов, для оказания помощи в развитии Сибири. После утверждения Устава, Общество официально занесено в реестр организаций Санкт-Петербурга с отделениями в Тобольске, Новониколаевске, Тюмени, Ишиме, Томске, Бийске, Мариинске, Красноярске, Братске, Тулуне, Иркутске, Якутске, Чите. Из 15 членов Бийского отдела 8 человек были торговцами и промышленниками,

руководителями банков, имевшими авторитет, возможности и средства для оказания помощи в развитии Сибири и в реализации проектов.

Сегодня такого общества нет ни в Бийске, ни в Барнауле, хотя поставленные им задачи так и не решены. Сибирь по-прежнему нуждается и в изучении, и в сохранении уникальных духовных и материальных сокровищ, и в крепком хозяине-сибиряке с чистым сердцем и жизненным задором, умеющим думать, и думы обращать в красивые дела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Троцкий Л. О Сибири. Речь на вечере сибиряков 28 февраля 1927 г. (из ранее закрытых архивов госбезопасности, спецхран). Новосибирск, 1990. 16 с. (Репринтное издание. М., 1927 г. Из серии «Дешевая библиотека» журнала «Северная Азия»).
2. Дамешек Л. М., Ремнев А. В. и др. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 370 с.
3. Литовкина А. М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008.
4. Кюннер Н. В. Лекции по истории и географии Сибири. Курс, читанный на историко-филологическом факультете во Владивостоке в 1918-1919 гг. / Составлен на основании записок слушателей под ред. проф. Н. В. Кюннера. Владивосток, 1919. 16 с.
5. Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. Барнаул, 2002. 214 с.: ил.
6. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., 2006. 256 с.
7. Соскин В. Л. Советская культурная политика в Сибири (1917-1927 гг.) // Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории. Новосибирск, 2006. С. 11–63.
8. Каган М. С. Эстетика как философская наука. Курс лекций по эстетике. СПб., 1997. 544 с.
9. Красильников С. А. Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибири в первой половине XX века // Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории. Новосибирск, 2006. С. 64–91.
10. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания: колл. монография. Томск, 2003. С. 19–27.
11. Балакина Е. И. Проблемы исследования саморазвития культуры Сибири в контексте нелинейной картины мира // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 484–487.

BIBLIOGRAPHY

1. Trotsky L. About Siberia. Speech at the Siberians' evening on February 28, 1927 (from the previously closed archives of the state Security, special security. IIC "Infoprint". Novosibirsk, 1990. 16 p.
2. Dameshek L. M., Remnev A. V. et al. Siberia as part of the Russian Empire. Moscow, 2007. 370 p. (in Russian).
3. Litovkina A. M. The concept of "Siberia" and its evolution in the Russian language picture of the world: from the "Siberian Chronicles" to the journalism of V. G. Rasputin. Irkutsk, 2008 (in Russian).
4. Kuehner N. V. Lectures on the history and geography of Siberia. The course taught at the Faculty of History and Philology in Vladivostok in 1918–1919 / Compiled on the basis of students' notes edited by prof. N. V. Kuehner. Vladivostok, 1919. 16 p. (in Russian).
5. Grebenshchikov G. D. My Siberia. Barnaul, 2002. 214 p.: ill. (in Russian).
6. Ilyin I. A. Singing heart. Book of silent contemplation. Moscow, 2006. 256 p. (in Russian).
7. Soskin V. L. Soviet cultural policy in Siberia (1917–1927). Soviet cultural policy and practice of its implementation in the Siberian region: essays on history. Novosibirsk, 2006. P. 11–63.
8. Kagan M. S. Aesthetics as a philosophical science. A course of lectures on aesthetics. Saint-Petersburg, 1997. 544 p. (in Russian).
9. Krasilnikov S. A. National-cultural policy and practice of its realization in Siberia in the first half of the XX century. Soviet cultural policy and practice of its realization in the Siberian region: essays of history. Novosibirsk, 2006. P. 64–91.
10. Zinoviev V. Features of transition of Siberia from agrarian society to industrial. Siberia in the context of world culture. Experience of self-description: Collective monograph. Tomsk, 2003. P. 19–27 (in Russian).
11. Balakina E. I. Problems of research of self-development of culture of Siberia in the context of a nonlinear picture of the world // World of science, culture, education. 2015. № 5 (54). P. 484–487.